

Помню и требую
1915-2015

100-лет геноциду армян в Османской империи

Дорогие друзья! 24 апреля 2015 года армяне всего мира вместе со всем прогрессивным человечеством отметили столетнюю годовщину геноцида армянского народа в Османской Турции. На фоне сегодняшних политических событий ответственность Турции за геноцид армян относится к ключевым вопросам правосудия.

С признанием ответственности государства за геноцид прямо и непосредственно связан вопрос о принятии мер по ликвидации тяжелых последствий. Сегодня Турция всячески пытается уйти от ответственности за содеянное, помешать подведению логической черты под прошлым и строительству новых цивилизованных отношений в будущем.

Мы не раз обращались к теме геноцида армян, и сегодня, спустя сто лет, на страницах нашей газеты продолжаем проект «Помню и требую». Эти слова стали девизом всех мероприятий, посвященных 100-й годовщине геноцида армян в Османской империи 1915 г., а символом—эмблемой цветков незабудки.

Цель нашего проекта — публикация малоизвестных документов, свидетельств очевидцев, которые, на наш взгляд, не только еще раз подтверждают ответственность турок и Турции за содеянное, но и способствуют торжеству права и справедливости, устраняют возможность рецидива, расчищая путь к нормализации отношений на основе норм международного права.

Дорогие читатели! Если у вас в домашних архивах сохранились документы, фотоматериалы, письма, дневники, повествующие о тех трагических событиях, просим вас предоставить их нам для публикации, чтобы сделать их достоянием общественности, тем самым внести свой личный вклад в дело признания Турцией величайшего преступления против человечности.

Проект «Помню и требую» в нашей газете продлится до конца 2015 г.

Листая страницы прошлого

В годовщину трагической даты в истории армянского народа — столетие геноцида армян в Османской империи, — даже незначительные факты этого времени представляют из себя определенный интерес не только для армян, но для всех тех историков, кто этой проблеме посвятил не один год.

Хочу представить небольшой отрывок из воспоминаний Ивана Яковлевича Прийма, отца известного писателя—шолоховеда Константина Ивановича Прийма, простого казака из станицы Ахтанизовской. В конце 1912 года он был призван на обязательную военную службу в 1-й Таманский кавалерийский полк в городе Асхабаде Закаспийской области, где когда-то служил его отец. В августе 1914 года полк перевели на турецкий фронт. Воспоминания Ивана Яковлевича охватывают период с 1915 по 1918 годы, когда русская армия совместно с армянской добровольческой армией полковника Андраника с боями выводили оставшихся в живых беженцев за пределы Западной Армении к границам Российской империи.

Это записи, безусловно, одаренного человека с кристальной душой и совестью, способного сопереживать и воспринимать чужую боль. Все события, касающиеся армян, их обычаев, природы Западной Армении, запечатлены с феноменальной документальностью и правдивостью, и, я думаю, они заинтересуют читателя.

22 апреля 1915 года штаб нашей кавалерийской бригады вышел из Баязета и, пройдя селение Кызыл—Дизу, остановился на ночлег в селении Каракенд. Вся бригада выступала в поход к городу Ван. Город Ван считался центром турецкой Армении, хотя в этом городе кроме армян проживали турки, курды и другие народности. Где-то за Аладагским хребтом восстали против турок армяне и просили помощи. Мы должны были прийти им на помощь, иначе армянам грозило полное истребление.

На рассвете следующего дня казачья сотня двинулась на перевал. От селения Каракенд начинался подъем на Топаризский перевал. Горы были сильно завалены снегом. Весь день мы карабкались в гору. Шедшие впереди части пропадали в снежной мгле, и казалось, что они завалены снегом и безвозвратно погибли. Это была какая-то бешеная пляска адских сил. К вечеру погода переменилась к лучшему. Снежная буря начала стихать. Позади нас, откуда мы поднимались, далеко внизу чернели небольшими крапинками селения. Высокие скалы, окружающие Баязет, теперь торчали внизу почти у нас под ногами и казались невероятной близкими. Мы были почти на самой вершине огромного хребта, и все горы покорно морщились и громоздились у нас под ногами. Далеко на севере два родных брата, два конуса Арарата гордо вздымались к небу и не пригибались ниц.

К нам подъехал вестовой и передал уряднику распоряжение, что ночевать мы должны здесь, на перевале. И мы сами, и наши кони изнемогли от усталости. Спать мы ложились прямо на снегу. Так в борьбе с холодом прошла вся ночь.

Вместе с нашей казачьей бригадой шла также одна горная батарея. И шла еще армянская дружина. Армянские дружинники были настроены чрезвычайно воинственно. Они были охвачены чувством мести. Война, по их словам, была священным делом освобождения армян от турецкого ига. Пылкие дружинники рвались вперед и с мусульманским населением, особенно с курдами, расправлялись жестоко, по принципу «око за око и зуб за зуб». Мы спустились с перевала. На следующий день, 25 апреля, мы дальше не пошли, нам давалась суровая остановка для отдыха. За сутки отдохнули и опять поехали дальше. После трехдневного похода мы пришли в место, называемое Баязет—Ага. Рассказывали, что здесь была жестокая резня между армянами и курдами.

Наутро мы пошли дальше по ущелью. Окружающая природа была дика и сурова. Речка шумела где-то внизу. Над нами висели глыбы гор. На одном крохотном островке посередине реки одиноко стояли старуха и девочка; трудно узнать, курдианки это или армянки. И как они туда попали? Должно быть, спасались от неминуемой смерти.

К вечеру пришли в большой населенный пункт Бегри—Кала. В Бегри—Кала мы стояли двое суток, 3 мая мы оставили Бегри—Кала и пошли дальше, но вскоре вынуждены были остановиться. Турецкие войска преграждали нам дорогу. На сле-

дующий день войска нашей бригады вступили с турками в бой. Перед вечером получили донесение, что турки разбиты. Теперь наш путь к городу Ван был открыт.

На следующий день, 5 мая, мы беспрепятственно пошли дальше. Днем мы подошли к озеру Ван. На запад до самого горизонта расстилалась темно—синяя гладь озера, а со всех остальных сторон нас окружали горы. Ехавшие попеременно с нами армяне—дружинники указывали нам на чернеющий на озере островок и говорили, что там есть армянский монастырь и что туда скрылось от зверств курдов и турок много армянского населения. Островок назывался Аствацатцин (Богоматерь). Это армянское слово трудно было выговорить, и казаки трепали его на все лады, стараясь наловчиться, но у них ничего не получалось. В конце концов, решили, что это слово надо перевести на русский язык и что по—русски оно будет произноситься так: «Ах, материн ты сын!»

И вот показался, наконец, город Ван. Он весь тонул в зелени. Недавно мы на перевале видели суровую зиму, а здесь была весна. Приятно было видеть большой настоящий город после долгих скитаний по диким горам. В предместьях города — селении Аванц — наш отряд встретила с хлебом—соленью особая делегация от армянского населения. Колонна наша тронулась, и вскоре мы въехали в город Ван. Это знаменательное событие — вступление наших войск в город Ван — состоялось 6 мая 1915 года.

При вступлении в город бросались в глаза свежие следы недавней борьбы армян с турками. Чернели обгорелые здания, мрачно зияя провалами сожженных дверей и окон. Стены угловых зданий были густо изрешечены пулями. В центре города нас встречало многочисленное городское армянское население. Улица была загромождена народом. По бокам улицы стояли двумя шеренгами повстанцы—армяне. Люди были одеты по—праздничному. Много было женщин и детей. Далее виднелись стройные ряды мальчиков, а потом девочек. Это были, по—видимому, школьники. И женщины, красивые как хризантемы, и девушки, прекрасные как майские розы, кидали едущим мимо казакам пучки цветов и что-то по—своему радостно щебетали. Момент был истинно волнующий. Так успешно и радостно закончился наш двадцатидневный поход к городу Ван, предпринятый не столько по стратегическим соображениям, сколько из чувства гуманности — чтобы спасти от истребления несколько тысяч армян.

После вступления русских войск в город Ван фронт отодвинулся дальше к югу верст на тридцать. Оба полка нашей бригады и батарея ушли на юг, вслед за отступающим противником, а штаб бригады остался в городе. Первые две ночи мы переночевали в брошенных казармах турецкого гарнизона. Все в казармах было опустошено и загажено. А за стенами казарм весна расстилала свои зеленые ковры и украшала землю цветами. После жестокого холода на перевале, после тяжелого перехода, после дорожной пыли и ус-

талости так приятно было полежать и поваляться на свежей траве.

8 мая штаб нашей бригады перешел из казарм в город. Начальник бригады со своим штабом расположился в здании русского консульства, а конно—саперная и писарская команды разместились на обширном дворе неподалеку от штаба. Мы разбили себе палатки. Двор, в котором мы натянули свои палатки, был обсажен деревьями, а с южной стороны двора про-

Иван Яковлевич Прийма.
1915 год. Турецкий фронт.

текал арык, вдоль которого росли высокие и стройные пирамидальные тополя, уходившие вслед за арыком на другую сторону квартала.

Проезжая через станцию Тифлис, я купил в книжном магазине пару хороших книг: карманного словаря иностранных слов Майданова и Рыбакова и самоучитель армянского языка. У меня были четыре книги, взятые из Асхабада. Это были учебники по грамматике и по истории. У меня, как я уже неоднократно говорил, было много свободного времени. Поэтому я возобновил занятия по литературе и армянскому языку. Я мог по—армянски кое—что спросить и кое—что сказать. По соседству с нами жили армянские семьи, и мы завели с ними дружественные отношения. Я с писарями ходил к этим армянам покупать молоко, масло, яйца. Мне в этих случаях приходилось быть переводчиком. Конечно, переводчик я был плохой, так как мог называть только отдельные слова, но не мог из этих слов связать осмысленную фразу. Но армяне все же меня понимали. С одной армянской семьей у меня установились очень хорошие взаимоотношения. Это были бедные, но сердечные, простые люди. Муж, жена и двое детей: старшая дочка Майрам лет пятнадцати, сын Левон, хлопцев лет тринадцати. Дочь проходила ежедневно мимо наших палаток с книжками. Судя по учебникам, Майрам училась в каком—то среднем учебном заведении. Мой самоучитель армянского языка и ее учебники стали мостиком, упрочившим мое знакомство с этой семьей. Я показал Майрам свои учебники по географии, в наших учебниках нашлись одинаковые рисунки, и это облегчало наше взаимопонимание. А когда я показал родителям фотографию своей жены и объяснил им, что у меня дома есть сынок, то доверие их ко мне возросло еще больше. Меня они стали звать Еваном (Иван). Я отдавал мамаше в стирку свое белье, не забывая всякий раз дать ей целый кусок мыла, и бывал очень рад, когда это белье мне возвращали хорошо отстиранным и выглаженным.

Миновала весна, и наступило благодатное лето. Природа отдавала людям свои щедрые дары. После овощей появились фрукты, но другие продовольственные продукты продавались дорого, потому что их было мало. Город наполнился беженцами из тех селений, где проходил фронт. Фронт на первых порах отодвинулся к югу, но потом остановился. На неопределенное время установилось зыбкое равновесие противоборствующих сил.

Армянская общественность устроила спектакль, на который было приглашено и наше бригадное начальство. Так как офицеров было мало, то один билет достался и мне. Я с двумя писарями отправился на спектакль. Больше всего нам понравились танцы, вероятно потому, что для восприятия танцев от нас не требовалось знание армянского языка. Танцевали девочки—подростки. Все они были красивы и танцевали грациозно и очаровательно. Я в своей жизни до сих пор не видел ничего подобного. В моем сознании этот спектакль остался светлым пятном на мрачном фоне военных бедствий, взаимного истребления и бесчисленных смертей. Это была капля человеческой радости среди моря людских страданий.

В начале июня 1915 года стало известно, что весь левый фланг нашей армии отступает. Население города встревожилось. Положение армян становилось катастрофическим. В случае занятия города турками им грозило поголовное истребление. Несмотря на то, что мы готовились к отступлению, среди нас находились оптимисты, которые не верили, что мы отдадим туркам Ван. «Мы не допустим, — говорили они, — чтобы такой большой город с многочисленным православным населением был отдан на разграбление мусульманам». Но оказалось, что наши оптимисты на этот раз ошибались. Среди населения наступила паника. Всем было ясно, что если курды ворвутся в город, то они беспощадно перережут всех армян. В городе происходило вавилонское столпотворение. Все те материальные ценности, из которых складывается благосостояние всякой семьи, сразу утратили свое полезное значение и стали никому не нужными. Все то добро, которым так люди дорожат, ради которого трудятся и которое всю жизнь накапливают, — все это потеряло свою цену и стало обременительной обузой.

Когда стало известно, что наша бригада оставляет город, мне захотелось поспешить к своим знакомым армянам, чтобы узнать, как они решают проблему отступления из города. Я застал у них большое смутнение. Мальчик Левон завязывал дорожные узлы. Майрам и мать плакали и уговаривали старика—отца идти с ними в Русастан (Россия). Отец не соглашался. Дочь объяснила мне возражения отца, и я с трудом разобрал, что он говорил следующее: «Остаться в городе — зарежут курды, а отправиться в Русастан — помрем с голоду. Зарежут за одну минуту, а с голоду будем умирать целую неделю. Лучше пусть зарежут сразу». Я тоже стал его уговаривать уходить от явной смерти, но старик и моим словам как будто не придавал никакого значения. Надо было убедить его в том, что в России есть хорошие люди. Я поспешно вернулся в свою команду, достал из своей заветной сумочки серебряный рубль, пошел снова к этому милому семейству и почти насильно вложил старику в руку эту монету. Я надеялся, что этот мой поступок поможет матери и дочери уговорить отца бежать в Россию. Майрам вынесла из своей комнатки маленькую изящную подушечку с голубой шелковой наволочкой и подарила ее мне. Я крепко пожал им на прощание руки и пожелал счастья. «А кур своих сварите и возьмите в дорогу», — сказала я, уходя, девушке больше жестами, чем словами, показывая на беззаботную птицу.

К публикации подготовила
Беатриче ХАЧАТУРЯН
(Продолжение следует)